

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.8.25>

Сычева Татьяна Михайловна

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ АРХАИКИ В ПРОЦЕССЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается феномен архаизации с позиции различного понимания и интерпретации процесса модернизации. Автор анализирует архаику как сложное, многоплановое противоречивое явление, имеющее свое определенное содержание, социальные практики, ментальные структуры. В работе, в отличие от общепринятого подхода, архаика изучается, во-первых, не только как помеха, а как неотъемлемая сторона процесса развития общества, во-вторых, как источник модернизационных изменений. Творческий потенциал архаики проистекает из факта того, что в её основе лежат процессы самоорганизации и самомобилизации общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/8/25.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 8. С. 125-128. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1

Дата поступления рукописи: 15.05.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.8.25>

В статье рассматривается феномен архаизации с позиции различного понимания и интерпретации процесса модернизации. Автор анализирует архаику как сложное, многоплановое противоречивое явление, имеющее свое определенное содержание, социальные практики, ментальные структуры. В работе, в отличие от общепринятого подхода, архаика изучается, во-первых, не только как помеха, а как неотъемлемая сторона процесса развития общества, во-вторых, как источник модернизационных изменений. Творческий потенциал архаики проистекает из факта того, что в её основе лежат процессы самоорганизации и самомобилизации общества.

Ключевые слова фразы: модернизация; архаика; теория «множественности модернов»; классическая теория модернизации; старообрядчество; социальный опыт.

Сычева Татьяна Михайловна, к. филос. н., доцент

Брянский государственный инженерно-технологический университет

sychetatjana@rambler.ru

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ АРХАИКИ В ПРОЦЕССЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Процесс модернизации как основная проблема и главный вектор развития современного общества занимает центральное место в обсуждениях политиков, экономистов, социологов, культурологов – всех тех, кто занят анализом изменений, происходящих в сегодняшнем мире. Под влиянием необходимости решения своих внутренних проблем или в результате внешних воздействий во всех современных обществах происходят трансформации, меняющие их природу и характер. Одной из главных проблем развивающихся обществ является вопрос соотношения в трансформационном процессе ценностей модернизации, традиции и архаики. Драматичный, а подчас и неудачный опыт стран, переживших или переживающих процесс качественных изменений, поставил во главу угла вопрос о возможности соединения социально-культурного своеобразия реформируемого общества и ценностей Модерна, во многом противоположных национальной традиции. Как показывает практика, негативный результат модернизации является чаще всего следствием как политики прямого заимствования западноевропейского опыта, так и полного игнорирования содержательных элементов вестернизации. В условиях полицентричного мира диалог различных культур, традиций и форм социального опыта оказывается наиболее плодотворным и необходимым для достижений целей модернизации. Сложность ситуации состоит в том, что участники этого «общемирового диалога» отдалены друг от друга не только географически, сколько исторически, социально-экономически и ценностно-нормативно.

Самые острые споры и дискуссии вызывает вопрос о месте и роли архаики как содержательном ядре традиции в процессе социально-экономического и культурного развития. Противоречивость оценок архаики связана прежде всего с различными методологическими позициями по истолкованию самого процесса модернизации. Если классическая теория модернизации рассматривает традицию с её архаичным содержанием как препятствие, требующее устранения и разрушения на пути становления общества Модерна, то концепции «множественности модернов» понимают социально-экономическую и культурную трансформацию как процесс, в котором существование традиции, архаики и модерна – неотъемлемая его составляющая.

Исходя из того, что реальные процессы модернизации в современном глобализирующемся мире осуществляются в ситуации взаимодействия традиционной культуры, в том числе её архаичных пластов, с принципами и ценностями Модерна, **актуальным** становится вопрос о возможности творческого использования изменчивого содержания самой архаики в целях реформирования общества. Что новое, а что типическое несет архаика? На наш взгляд, изучение исторического и современного опыта стран, успешно осуществивших модернизацию, теоретические разработки самого феномена архаики и её роли в развитии общества позволяют поставить вопрос о модернизационных возможностях этого глубинного пласта человеческой культуры [9]. Данная статья не предполагает рассмотрения и анализа различных вариантов интерпретации архаики, тем более такая попытка была сделана другими авторами и нами ранее [7]. **Научная новизна** нашего исследования заключается в рассмотрении модернизационного потенциала архаики и анализе условий его реализации. Этим определяется **цель** статьи – ответить на вопрос: в какой мере и при каких обстоятельствах архаика может быть источником социально-экономического развития общества. Практическая значимость работы, на наш взгляд, состоит в том, что такой методологический подход позволяет рассматривать архаику не только как помеху модернизации, а как её возможного «союзника». Умение рассмотреть в традиционных, архаичных пластах культуры потенциальные возможности развития, стремление наладить с ними практический «диалог» является одним из оснований успешной реализации целей модернизации.

В целях уточнения нашей методологической позиции следует пояснить, что мы не проводим принципиальной разграничительной линии в понимании традиции и архаики, несмотря на то, что некоторые авторы настаивают на их несовпадении. Принято считать, что традиция – это устойчивые культурные и социальные структуры, которые обеспечивают преемственность социальной жизни и задают определенные рамки мотивам

и формам социальной деятельности. А «архаика же не обладает рациональной структурой, не выполняет конструктивную функцию регулирования человеческого поведения, не характеризуется определенностью и устойчивостью» [4]. По нашему мнению, традиция и архаика, несмотря на свои различия, органически взаимосвязаны: если традиция – это упорядоченный, определенным образом «вербализированный текст», то мир архаики – это дух традиции, ее «сердце» и архетип. Безусловно, что структурированный, осмысленный культурный и социальный опыт в виде традиции легче вовлечь в модернизацию, но энергией, «витальностью» созидания (как и разрушения) обладает архаика. Можно сказать, что архаика – это внутренняя сила традиции.

Как было сказано выше, отношение к архаике зависит прежде всего от понимания самого процесса модернизации. Если понимать Модерн как отказ от национально-культурной идентичности и прямолинейное движение к рациональности, индивидуализму, эмансипации и верховенству закона, то, безусловно, архаика на этом пути рассматривается как торжество иррационального, примитивного, доцивилизационного. При таком ракурсе интерпретации архаика является безусловным препятствием социально-экономического развития, способным в волнах мифологизации поглотить любые новации. Такая концепция модернизации не видит возможностей диалога с архаикой, отрицает её позитивные возможности и предполагает её полное устранение. Неудивительно, что подобный подход имеет мало общего с реальными процессами, протекающими в реформирующихся обществах, и исход «схватки» модерна и архаики часто оборачивается там, как правило, победой последней.

Обращение к историческому опыту европейского Модерна и современным интерпретациям его опровергает однозначную оценку архаики и её роли в процессе развития. Во-первых, в истоках первичной модернизации западных стран присутствовало взаимодействие различных культурных традиций, несущих в себе многообразие ценностных установок и устремлений, в том числе и архаических. Сам «дух капитализма» формировался реформационными идеями, требующими возврата «назад» – к ценностям раннего христианства, аскетизму и ригоризму первых христианских общин, критике существующих общественно-политических порядков, отказу от церковной традиции. «У истоков буржуазного идейного развития стоят не гуманисты-либералы, а боровшийся с плотскими искушениями испуганный монах Лютер и без зазрения совести сжигавший на кострах “ведьм” и “еретиков” Кальвин... Парадокс раскрепощающего и прогрессивного влияния идеологии, зовущей назад и утверждающий бессилие человека, реальный парадокс» [8, с. 42-43].

Во-вторых, зрелый Модерн, как отмечают западноевропейские философы, может не только до конца не изживать архаику, но и порождать её в новых формах и облике. «Регламентирующий разум», по мнению М. Фуко, начинает господствовать в повседневной жизни европейского человека уже в конце XIX века, обретая свою законченную форму в господстве различных форм тоталитаризма, нацизма, сталинизма. Именно Холокост, случившийся в самый разгар Модерна, стал символом его негативной, разрушительной силы, того «варварства, которое скрыто в его сердцевине» (С. Эйзенштадт).

Пересмотр прямолинейных ценностей «регламентирующего разума» особенно активизировался в 60-70-х годах XX века в работах идеологов Франкфуртской школы, различных концепциях экзистенциализма, учениях неотомизма. Само понятие рациональности (научной, экономической, политической) наполняется новым содержанием и смыслом, отличным от его просветительского понимания. Становится очевидным, что в разуме Модерна религиозность и иррациональность, миф и логос, архаика и новаторство присутствуют в противоречивом, неустойчивом единстве. Более того, архаическое содержание может сохраняться и успешно функционировать под маской модерна. Изучая опыт большевистской модернизации, историки приходят к выводу, что она по существу оказалась формой существования и укрепления архаики. Участие СССР в технической революции первой половины XX века восстановило самые архаичные формы и структуры российского социума, с элементами сакрализации сознания и восточного деспотизма [4]. В условиях тотального разрушения практически всех форм привычной жизни архаический человек выстраивал свою защиту не столько инструментом традиции (к тому времени варварски разрушенной), сколько инструментами модернизации, создавая обманчивость обновления.

Учитывая противоречивое содержание и неоднозначную роль архаики, её неустрашимость в полной мере из процесса трансформации любого общества, большинство исследователей приходят к выводу о возможности существования, как минимум, двух стратегий по отношению к ней: «мягкого» вытеснения и использования её креативного потенциала.

В чем могут состоять модернизационные возможности архаики? Мы остановимся лишь на двух созидательных функциях архаики, которые она способна осуществлять в процессе трансформации. Во-первых, она обладает способностью в условиях нарастающего хаоса в обществе противостоять ему, обращаясь к проверенным временем формам солидарности и совместной деятельности, как хозяйственной, так и культурно-социальной. Модернизационный опыт отдельных стран показывает, что архаика, порожденная прямолинейной, избыточно-агрессивной рационализацией, становится для общества спасительной опорой, позволяющей пережить трудности реформирования.

Во-вторых, в основе архаизации лежит процесс самоорганизации или самомобилизации общества (Т. Шанин). Архаичные институты и нормы поведения часто активизируют социальный капитал – способность строить отношения на взаимном доверии и взаимной поддержке. В условиях существования во «враждебной» среде – социальной, культурной, этнической, политической – возникают формы самоорганизации (нередко с архаичным содержанием), которые позволяют людям «встроиться» в модернизационный процесс и даже активизировать его. Эти обстоятельства позволяют исследователям делать вывод, что архаичные

структуры можно не только подвергнуть модернизации, но и включить в социокультурный процесс. Проблема заключается в том, что эта «тонкая» работа по управлению архаикой чревата тем, что в этой «схватке» победа архаики над модерном не является исключением.

Творческое взаимодействие с архаикой предполагает знание и изучение исторического и социального опыта тех обществ, где она явилась активной силой в осуществлении модернизации. Такого рода анализ позволяет ответить на вопрос, как и каким образом архаические составляющие обретают модернизационный эффект. Примером может служить феномен русского старообрядчества, сыгравшего решающую роль в российской модернизации XVIII-XIX веков. В известной работе Н. М. Никольского «История русской церкви» ярко и убедительно показана роль старообрядчества в становлении и развитии капитализма в России. Ревнители «старой веры» явились главной движущей силой, приняв активное участие в процессе модернизации, техническом перевооружении производства, развитии торговли. Как справедливо пишут авторы статьи «Старообрядчество и процесс формообразования в российской цивилизации», «именно архаическая составляющая, будучи включена в христианский духовный космос, стимулировала восприятие ревнителями “старой веры” технических нововведений...» [11, с. 107].

Переход к обществу Модерна, при неизбежном сохранении национально-культурного своеобразия, все же предполагает изменение традиционных установок и принятие, в той или иной степени или форме, ценностей рациональности, эмансипации, личной ответственности, следования закону. Зарождение индивидуального, неповторимого, личностного отношения к Богу у старообрядцев происходило в рамках традиции, несущей в себе напластования архаических, славянско-языческих, христиански-православных начал. Аввакум в своем «Житии» утверждал ценность христианского *ведения* (курсив автора статьи. – Т. С.), непосредственно идущего от Священного писания и творений Св. Отцов, отстаивая право человека на свое личностное верование. Спасение, согласно его пониманию, зависит не от «внешнего знания, а от неповторимых отношений отдельного человека к Богу. Тем самым индивидуальный выбор и индивидуальная харизма противопоставляются социальным нормам... не нормам традиционного общества, но нормам культурной элиты» [Цит. по: 2, с. 336].

В обосновании права на личностное отношение с Богом, на свое понимание веры и благочестия староверы вольно или невольно были вынуждены прибегать к рационально-логическим аргументам, формировать навыки рационально-теоретических рассуждений, выдвигая авторитет личного мнения, личного суждения. Разработка собственных текстов – «Щит веры», «Догмат Христовой Церкви о ключах», «Брачное врачество» и другие – явились ярким примером и результатом этих устремлений. «Рассматривая развитие старообрядческой мысли в течение XVII, XVIII и XIX веков, можно обнаружить, что, хотя номинально старообрядческие книжники никогда не провозглашали свободу разума и всячески стремились подчеркнуть свою ортодоксальность и преемственность в отношении к святоотеческой традиции, первоначальная необходимость теоретического обоснования и апологии староверия в беспрецедентной ситуации требовала самостоятельного построения этого обоснования путем чисто рационально-логической аргументации» [10, с. 164-165].

В ситуации постоянного преследования со стороны церкви и государства необходимость выживания реализовалась в стремлении овладеть различными видами мирской деятельности. Духовная самозащита и потребность приспособления к «враждебной среде» породила у ревнителей старой веры убеждение в возможности создания таких форм организации земной жизни, которые приближались бы до некоторой степени к Божественному Абсолюту. Тем более нам представляется сказанное справедливым, так как в старообрядчестве, несмотря на разногласие разнообразных течений в нем, существует мощная установка на принятие всей полноты земной жизни. Как утверждают исследователи, на мировоззрении старообрядчества сказалась свойственная русскому православию, восходящая к языческой архаике тенденция гиперсакрализации бытия с «её острым, жгучим чувством Бога в материи» [3, с. 154]. Ярчайшим примером этого является «Голубиная книга» – свидетельство единства христианской и славяно-языческой традиции.

Установка на приятие земного бытия, достаточно высокая оценка способности человека его оформить неизбежно предполагали строгое соблюдение норм благочестия в конкретной мирской жизни, в том числе в быту. «Православная русская душа жаждет... устройства и здесь на земле всей жизни “по-Божьи” и с царством земным, но “Христовым”, и с довольством и достатком и с благами земными и “благоденственным и мирным житием”, но “во всяком благочестии и чистоте”» [Там же, с. 154-155]. Следование подобным нормам рассматривалось как религиозный долг человека, что, безусловно, позволяет проводить некоторые параллели с протестантизмом. Русские старообрядцы, духоборы, молокане у себя на родине и в эмиграции дали пример сочетания благочестия, зажиточного быта и успехов в мирской деятельности, сформировав тип русского предпринимателя, в отличие от своего западноевропейского собрата, сочетающего в себе ценности цивилизации разума с установками архаичной культуры.

Успешная, на наш взгляд, попытка подойти к модернизации как сложному противоречивому процессу, содержащему в себе свои «темные стороны», мучительно преодолевающему изживший себя социальный опыт, реализована в статье И. В. Стародубровской «Исламизм и модернизация; полемические заметки» [6]. Относительно исламизма в сегодняшней научной литературе существуют различные точки зрения и оценки, касающиеся сущности этого явления и его роли в трансформационных процессах. Так, Э. А. Паин в своих работах рассматривает это социально-политическое и культурно-религиозное явление как однозначно реакционное и антимодернизационное. «Подъем исламизма – фактическая демократизация, деконструкция всевозможных проявлений индивидуализма, тенденций к эмансипации, к верховенству закона...» [5, с. 122]. С позиций теории «множественности модернов» исламизм как сложнейшее политическое и духовное явление XXI века, по мнению

Стародубровской, не может однозначно трактоваться как антилиберальное и регрессивное. Используя веберовскую методологию применительно к общественно-религиозным движениям, подобным Реформации, анализируя опыт модернизационных эффектов старообрядчества, Стародубровская стремится показать всю внутреннюю противоречивость исламизма, его неоднозначную роль в процессах, охвативших целый регион. Автор видит в исламистах носителей как модернизационных, так и антимодернизационных ценностей, что некогда было характерно для последователей протестантизма. Так, М. Вебер считал, что эмансипация личности в Реформации способствовала распространению пуританства, носящего зачастую репрессивную природу: «Образование аскетических общин и сект, с их радикальным отказом от патриархальных пут, с их толкованием повиноваться более Богу, чем людям, явилось одной из предпосылок современного “индивидуализма”» [1, с. 174]. И. В. Стародубровская находит здесь прямое сходство с исламским фундаментализмом: «Индивидуализация выбора религиозных взглядов; приоритет горизонтальных связей единомышленников перед кровнородственными иерархиями; самостоятельное изучение первоисточников и отрицание безоговорочного следования религиозным авторитетам; подчинение в первую очередь божественным истинам, а не власти предрешающим – все эти факторы очевидно способствуют эмансипации личности, разрушению господства коллективизма на индивидуальной воле отдельного человека» [6, с. 141-142].

Подводя итог вышесказанному, мы можем сделать несколько обобщающих **выводов**. Во-первых, оценка архаики как источника модернизационных изменений возможна только в рамках теории «множественности модернов», которая рассматривает модернизацию как производную от многообразия форм взаимодействия принципов «модерна» и разнообразия культурных традиций. «Классическая» концепция развития исключает созидательную роль архаики. Во-вторых, модернизационные возможности архаики кроются в изменчивости (пластичности) её содержания применительно к конкретно-историческим и социальным условиям (что не единожды было подтверждено историческим и социальным опытом). В-третьих, архаика, кроме разрушительных тенденций, несет в себе определенную способность к самоорганизации и социальной солидарности, активизируя тот социальный капитал, которым обладает конкретная человеческая общность. В-четвертых, анализ исторических примеров модернизационных возможностей архаики (в данном случае на примере старообрядчества) подтверждает наш вывод о креативном потенциале архаичных пластов культуры в решении практических задач. И, наконец, интерпретация архаики как возможного союзника модернизации позволяет исключить односторонность оценок сложных, противоречивых процессов современного мира и увидеть в них потенциальные возможности развития.

Список источников

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Директ-Медиа, 2011. 179 с.
2. Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 758 с.
3. Карташов А. В. Смысл старообрядчества. Влияние церкви на русскую культуру // Север. 1996. № 7. С. 151-160.
4. Костюк К. И. Архаика и модернизация в российской культуре [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spasi.ru/bibl/kostuk1.htm> (дата обращения: 08.05.2019).
5. Панин Э. А. Исламизм: социально-политическая сущность и новые угрозы для России // Общественные науки и современность. 2016. № 5. С. 115-127.
6. Стародубровская И. В. Исламизм и модернизация: полемические заметки // Общественные науки и современность. 2017. № 5. С. 134-146.
7. Сычева Т. М. Проблема архаизации: некоторые методологические подходы // Манускрипт. 2018. № 5 (91). С. 90-93.
8. Фурман Д. Е. Идеология Реформации и её роль в становлении буржуазного общественного сознания // Фурман Д. Е. Избранное. М.: Территория будущего, 2011. С. 41-109.
9. Хачатурян В. М. Феномен архаизации в культурной динамике: автореф. дисс. ... д. культурологи. М., 2012. 48 с.
10. Шахов М. О. Философские аспекты староверия. М.: Третий Рим, 1998. 208 с.
11. Шемякин Я. Г., Шемякина О. Д. Старообрядчество и процесс формирования в российской цивилизации // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 98-108.

MODERNIZATION POSSIBILITIES OF ARCHAIC CHARACTER IN THE PROCESS OF THE SOCIETY'S SOCIO-CULTURAL DEVELOPMENT

Sycheva Tat'yana Mikhailovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Bryansk State Technological University of Engineering
sychetatjana@rambler.ru

The article discusses the archaization phenomenon from the standpoint of different understanding and interpretation of modernization process. The author analyses archaic character as a complex, multifaceted contradictory phenomenon, which has its specific content, social practices and mental structures. In contrast to the generally accepted approach, the researcher considers archaic character, firstly, not only as a hindrance, but as an integral part of the society's development process, secondly, as a source of modernization changes. The creative potential of archaic character comes from the fact that it is based on the processes of the society's self-organization and self-mobilization.

Key words and phrases: modernization; archaic character; “plurality of modernities” theory; classical modernization theory; Old Belief; social experience.